

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ПРОЗА А.И. ЦВЕТАЕВОЙ:
АВТОБИОГРАФИЗМ
И МИФОТВОРЧЕСТВО

© 2017 г. Е.А. Есенина

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 29 июня 2017 г.

Дата публикации: 25 декабря 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-218-229

*Статья создана в ИМЛИ РАН при поддержке гранта
Российского научного фонда (проект №14-18-02709)*

Аннотация: Главнейший принцип всего литературного творчества А. Цветаевой – автобиографизм. Дебютное ее сочинение «Королевские размышления» представляет собой литературно-философское эссе, в котором автор создает миф о себе как о «богоборце» и отрицателе всех нравственных ценностей. В дальнейшем Цветаева попробует себя в жанре автобиографического романа, но «автобиографическим» его можно назвать с некоторыми оговорками. С одной стороны, данное произведение воссоздает реальную канву жизни автора. С другой стороны, в некоторых моментах повествователь намеренно отступает от правды, затушевывает и видоизменяет факты, преследуя определенные цели. Элементы мифотворчества обнаруживаются в мемуарной книге Цветаевой «Воспоминания», которую в этой связи интересно сопоставить с автобиографической прозой старшей сестры писательницы – Марины Цветаевой.

Ключевые слова: автобиографизм, мемуары, Анастасия и Марина Цветаевы, мифотворчество, биография, автобиографический роман.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Есенина – аспирант, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: katerinazinova@gmail.com

THE PROSE OF ANASTASIA I. TSVETAeva: AUTOBIOGRAPHICAL MYTHMAKING

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017. E.A. Esenina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: June 29, 2017

Date of publication: December 25, 2017

Acknowledgements: The article received support of the Russian Foundation for Basic Research (Russian Foundation for Humanities) (project No. 14-18-02709) and was implemented at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: Anastasia Tsvetayeva's literary work can be largely defined as autobiographical. Her first pen probe, "Royal reflections," is a philosophical essay where the author represents herself as a "theomachist" and the debunker of all moral values. Later, Tsvetaeva ventured into the genre of autobiographical novel, yet her novel may be called "autobiographical" only with some reservations. On the one hand, this work reflects real facts of the author's life. On the other, the narrator, at some points, deliberately departs from truth, obscures and alters the facts, pursuing specific aims. The elements of autobiographical mythmaking may be found in the *Memoirs* of Anastasia Tsvetayeva that would be worthwhile to compare with the autobiographical prose of her elder sister Marina.

Keywords: autobiography, memoirs, Anastasia Tsvetayeva, Marina Tsvetaeva, mythmaking, biography, autobiographical novel.

Information about the author: Ekaterina A. Esenina, Postgraduate Student, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: katerinazinova@gmail.com

В 1920-х гг. Б.М. Томашевский в статье «Литература и биография» [5] говорил о значимости изучения автобиографических мифов, т. е. мифов, созданных писателем о самом себе, его так называемой «идеальной» биографии. По мнению ученого, только такая «творимая автором легенда» имеет ценность для более глубокого понимания его творчества и установления связей между фактами литературы и фактами жизни. Основываясь на данном утверждении, мы бы хотели показать, какую роль играет мифотворчество в художественно-автобиографической прозе А. Цветаевой.

Анастасия Ивановна Цветаева — признанный мастер автобиографического жанра. Ее мемуарная книга «Воспоминания», впервые вышедшая в 1971 г., выдержала огромное количество переизданий. Однако она представляет уже поздний период творчества писательницы. С самого начала своего литературного пути — с дебютных книг «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым» — Цветаева-младшая выбрала для себя тактику, при которой материалом для ее произведений неизменно служила реальная жизнь. Ее тексты, составленные в единое повествование, отражают сложную духовную эволюцию — от поклонения Ницше и декадентского мироощущения к православию и суровой аскезе. И если в ранних текстах автором творится миф о себе как о богоборце и отрицателе общечеловеческих ценностей, то на более позднем этапе Цветаева, обращая взгляд в прошлое, старается корректировать свой образ уже согласно христианскому мировоззрению.

В центре внимания автобиографических жанров — формирование представления личности о самой себе, динамика ее развития. По словам

Н.А. Николиной, «предметом изображения в автобиографической прозе с течением времени становится не былое само по себе, а “былое” в связи со становлением внутреннего мира автора текста» [4, с. 10]. Эти заявления полностью применимы для характеристики цветаевских текстов и того образа автора, который в них создается.

В центре дебютного произведения А. Цветаевой «Королевские размышления» находится образ автора-богоборца, отрицающего все ценности и воспевающего «сверхчеловека» Ницше («Человек ищет сверхчеловека. Вне этого стремления — нет смысла» [8, с. 10]). Выбрав для себя маску героини-бунтарки, Цветаева ведет повествование от первого лица в свободном стиле философского размышления, иногда дополняя текст диалогами с реально существовавшими людьми, ее друзьями — М. Волошиным и С. Ковалевым. Автор мифологизирует свой образ и пытается возвыситься до уровня «сверхлюдей», которыми, по ее мнению, являются Ставрогин, Гедда Габлер, герой пьесы А. Чехова Иванов. Цветаева претендует на то, чтобы «написать пятую часть Заратустры» и дополнить ее идеей «вечного возвращения»: «В моем замысле докончить Заратустру нет ничего невероятного, кроме дерзости. <...> Ведь ясно: если в сверхчеловеке — надежда, а в вечном возврате ее нет, и раз начало пути Заратустры — это сверхчеловек, а дальнейшее — проповедь вечного возврата, и раз сам Ницше хотел писать дальше... неизбежно надо написать... 5 и 6 части» [8, с. 19]. Она хотела бы дополнить философскую систему Ницше «поэзией бездны», утверждением полной безнадежности бытия, в которой «вечный блеск звезд, и вечный шум весенней листвы, и вечная человеческая мысль» [8, с. 19]. С первых же строк автор заявляет о своем неверии («Архангелова труба, воскрешение мертвых — не это кажется мне объяснением земли, всех звездочек мигающих и неподвижных и бездны кругом нас» [8, с. 7–8] и говорит о Базарове и Иване Карамазове как о близких для нее персонажах, о предпочтении рационального, скептического начала: «Дерзость ума человеческого головокружительна!» [8, с. 8]. Такой же дерзостный порыв заставляет Цветаеву заявить о желании стать соавтором Ницше, привести Заратустру к идее полной бесконечности. Образ автора в «Королевских размышлениях» явно не соответствовал реальной личности писательницы в то время юной, «неоперившейся», делавшей свои первые шаги в литературе. Этим продиктовано обилие критических отзывов на первое цветаевское произведение (правда,

при наличии и положительных). Особо резко выразилась мать М.А. Волошина Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина в письме к сыну: «Ася <...> издала книжку “Королевские мысли”, которую ты верно также уже получил, прочел и восхитился. Каким ты там дурачком стоишь перед ней и отвечаешь не ведома что! Как все глупы перед ней, все понимающей, все разрешающей и так просто все мучительные вопросы. Боже! Боже! Сколько в ней самоуверенности, самомнения, самодовольства. Но Лиле <Эфрон>, Сереже, Марине эта книжка нравится» (цит. по: [1, с. 60]). Таким образом, становится ясно, что создаваемый автором образ о самом себе как о бунтаре и нигилисте был воспринят всерьез далеко не всеми читателями, включая и критиков¹, и близкое окружение.

Интересно рассмотреть так называемый «лагерный» роман Цветаевой «Амог» и проследить, как автобиографический материал сочетается в нем с мифологизацией. Создавался он во время пребывания в лагере, в часы отдыха; часть была написана на папиросной бумаге, листы которой впоследствии, после переправления рукописей в Москву, были использованы для «самокруток». Вследствие этого половину произведения А. Цветаевой пришлось воссоздавать уже после своего освобождения. В целом, работа продолжалась два десятилетия и только в 1990 г. в журнале «Москва» «Амог» увидел свет, а год спустя вышло его отдельное издание.

В связи со спецификой жанра в текстах с главенствующим документальным началом есть два повествовательных плана — план настоящего (на этом уровне действует повествователь, автор текста) и прошлого (реконструируемый авторской памятью образ собственного «я»). Таким образом, происходит как бы раздвоение субъекта. С одной стороны, это предполагает некую отстраненность автора от себя в прошлом. С другой стороны, автобиографическое произведение предполагает совпадение автора и героя. Автор является всеведущим, осведомленным обо всех описываемых событиях. Он субъективен, утверждает справедливость высказываемых им оценок; его интенцией является исповедальность, т. е. изначальная установка на подлинность того, о чем повествуется (то, что Ф. Лежён называет «автобиографическим пактом» [11]).

1 Рецензии Е.Г. Лундберга и В.В. Розанова на книгу А. Цветаевой «Королевские размышления» см. в сборнике: [1, с. 64–66, 106–110].

Автор наделяет героя своей биографией, судьбой, характером. Тем не менее эти две фигуры не всегда тождественны, хотя многие структурные особенности произведения создают видимость совпадения. К ним относятся форма повествования от первого лица, внешнее сходство автобиографического героя с автором, совпадение их имен.

В романе «Апог» данные условия соблюдены далеко не в полной мере. Сюжетной основой романа являются взаимоотношения главной героини Ники с начальником лагерного конструкторского бюро Морицем (прототипом его являлся Арсений Аркадьевич Этчин). Для произведения характерна двуплановая структура повествования: основная сюжетная линия, которая отражает время пребывания писательницы в лагере, прерывается ретроспективными вставками, отсылающими нас к ее молодости. Оппозиция, на которой строится идейный замысел, — любовь в двух разных пониманиях, и смена одного понимания другим связана с духовной эволюцией героини. Часть героев имеет вымышленные имена (но при этом за ними довольно прозрачно ощутимы прототипы), а часть выступает под собственными именами. Таким образом, автор создал себе условия большей художественной свободы и возможность превратить *мемуары* хоть и в автобиографический, но *роман*.

Вместо традиционной для автобиографических жанров повествовательной формы от первого лица автор выбирает форму повествования от третьего лица, тем самым несколько дистанцируя себя от объекта изображения. Тем не менее мы можем утверждать, что герой является авторским самовыражением и их позиции совпадают.

В ретроспективных вставках, которые занимают половину романного текста, А. Цветаева устами протагониста Ники воссоздает картину жизни времен ее молодости. Возникают образы многих реально существовавших людей, с которыми писательница близко соприкасалась. Это члены ее семьи (сестры Марина и Валерия, брат Андрей, племянница А. Эфрон, мужа Б. Трухачев и М. Минц, сын А. Трухачев), люди, с которыми ее связывали близкие отношения (Н. Миронов, Б. Бобылев), ее друзья, художники и поэты (Л. Квятковский, К. Богаевский, М. Волошин, М. Латри, Н. Лампси, М. Кювиле и др.). Однако большинству героев, имеющих реальные прототипы, даны другие имена (А. Цветаева — Ника, Б. Трухачев — Глеб, М. Минц — Морек и т. д.). Некоторые факты намерено затушеваны. Это

объясняется нежеланием писательницы открывать определенные страницы своей биографии, которые она с временной дистанции оценивает уже совершенно по-другому. Наиболее яркий пример — ситуация с героем, который назван в романе Андреем Павловичем. На самом же деле под этим именем скрывается Валентина Иосифовна Зелинская — крымская подруга А. Цветаевой, с которой ее связывало любовное увлечение. Смена пола персонажа автоматически сменяет систему оценок в отношении этого жизненного эпизода.

Художественно воссоздавая свою биографию, писательница сопоставляет и переоценивает факты жизни, прослеживает свою духовную эволюцию (переход от атеизма к истовой вере кардинальным образом отразился на жизни и творчестве Цветаевой). Автор и герой здесь тождественны, они находятся в одной ценностной системе координат, их этические позиции совпадают. Это выражено и в совпадении конкретно исторических и бытовых реалий (исключений крайне мало), и в схожести душевных переживаний. Обилие конструкций несобственно прямой речи подчеркивает близость автора и героя. Текст подчеркнуто эмоционален, что создает явное ощущение причастности создателя произведения к описываемому. Роман характеризуется углубленным психологическим анализом, при этом не только в отношении самопознания героя, но и в определении отношения автора к описываемому.

Основываясь на вышеперечисленных доводах, мы делаем вывод, что «Апог» можно считать автобиографическим романом, так как автор подчеркивает свое воплощение в главном герое и он выступает в тексте не как наблюдатель, а как активный действующий и переживающий субъект. При этом, творя некий миф о себе, в автобиографическом герое автор не зеркально отражает, а осмысляет свою биографию и создает скорректированный образ себя и некоторых жизненных обстоятельств, которые в связи с изменившимися мировоззренческими установками автора не могли остаться на бумаге в подлинном их виде.

Мифотворчество как конструктивный элемент произведения присутствует и в главной книге Цветаевой — «Воспоминания». Эта лирическая эпопея, как определил ее один из критиков, выросла из устных рассказов Анастасии Ивановны своей старшей внучке Рите. Сама Цветаева вспоминала: «Рассказ родился и рос органично. Тут всё было “документально”, прав-

диво, я воскрешала бывшее с почти педантичной точностью, это был труд» [7, с. 144].

Однако, как писала Л.Я. Гинзбург, особенность литературы факта заключается в «установке на подлинность <...>, которая далеко не всегда равна фактической точности» [2, с. 10]. Недостоверность может объясняться не только намеренными или ненамеренными искажениями, но самим «ферментом “недостаточности”», заложенным в жанре. Так как художник-мемуарист имеет дело не только с областью внешних событий, но и с пластом скрытых внутренних мотивов, он при реконструкции реальности обречен на гипотетические предположения и домысел. Достоверность сама по себе не является эстетическим критерием. Часто бывает так, что произведение, основанное лишь на голых фактах, оказывается лишенным художественности. Вымысел и опыт, соединяясь, создают некую «вторую действительность», которую несет в себе литература, основанная на подлинных фактах. В этом ее особая динамика.

Что касается особенностей автобиографического жанра, то в «Воспоминаниях» Цветаевой мы видим и 1) установку на достоверность, и 2) типичный характер заглавий с указанием времени или пространства (например, «Дом в Замоскворечье» или «Весна 1914 года»), и 3) особенности хронотопа, где личное биографическое время преобладает над историческим (т. е. внимание автора сосредоточено на радостях и потерях в частной жизни, а не на ходе исторических событий). Последняя упомянутая особенность «Воспоминаний» роднит их с прозой Цветаевой-старшей, в которой, по словам И.Д. Шевеленко, «пищу истинному эпосу давала индивидуальная жизнь поэта, его “самобытие”, которое принадлежало не данному времени, а Вечности...» [10, с. 355].

Но, говоря о достоверности, мы опять должны помнить об ошибках памяти, невольном домысле и вымысле, мифотворчестве, которыми, кстати говоря, по словам Анастасии Ивановны, была полна автобиографическая проза ее сестры Марины Цветаевой. Как отметила исследовательница творчества М.И. Цветаевой С.Ю. Корниенко, «утверждение авторского права на субъективность, замещение ею позиции правды в оппозиции *правда / ложь* <...> — общее место в цветаевском автометадискурсе...» [3, с. 15]. Так одно и то же событие отражается в двух абсолютно противоположных описаниях. Например, обе сестры упоминают в своих мемуарах о том, что их

мать, пианистка, и Валерия (или по-домашнему, Лёра), дочь их отца от первого брака, по вечерам музицировали: Лёра пела, а Мария Александровна аккомпанировала на рояле. И вот как это представлено в текстах. Марина Цветаева пишет в своем очерке «Мать и музыка»: «...дом был начисто поделен на пенье (первый брак отца) и рояль (второй), которые иногда та-русскими поздними вечерами сливались. Но как сейчас слышу материнское сдавленно-исступленное “ох” в ответ на Валериино, часами, “подбирание” и “напевание”, как сейчас вижу искажение всего ее лица и рук на каком-нибудь особенно-выразительном аккорде, или на особенно-высокой ноте, за которой вот-вот начнется тот ужасный безголосый сухо-горловой крик, сравнимый по нестерпимости только с внезапно ожившим и заигравшим под языком зубным нервом, — крик, за который можно убить» [9, с. 31–32]. Далее она также сравнивает пение Валерии с «горловыми полосканиями» [9, с. 32].

У Анастасии же читаем: «Лёрино милое, внезапно приближавшееся на миг с улыбкой, лицо, шутивное слово, лакомство в руку и звук ее пения — чистый высокий голос, — романсы и песни, где дышало, сияло изящество, прихоть и грация — отзвук, быть может, времен давних, живших некогда в доме» [6, т. I, с. 65].

Каждое из этих описаний продиктовано авторскими установками. Марина Цветаева в автобиографической прозе творила миф о себе как о нелюбимом, одиноком ребенке, предпочитающем общение с книгами обществу сестер и брата (С.Ю. Корниенко говорит об образе Цветаевой, созданном в мемуарной прозе, как об «автобиографическом, но все же весьма мифологизированном — в соответствии с модернистскими установками — субъекте» [3, с. 21]. Цветаева-младшая в своих «Воспоминаниях» усердно создавала идиллический миф о счастливой семье, внутри которой царила полная гармония.

Таким образом, мы увидели, как жизненная реальность может преобразовываться и трансформироваться в литературном произведении в связи с определенными установками его создателя и иногда приобретать мифологизированные формы. Первый литературный опыт А. Цветаевой представлял собой манифестацию себя как ярого «богоборца», продолжателя дела Ницше, потенциального соавтора великого философа, что так и не было реализовано в жизни. Позднее писательница уже с христианских позиций

пыталась, вспоминая прошлое, создать на бумаге тот образ себя, который соотносился с ее видоизменившимися мировоззренческими установками, а рассказывая о своем детстве и отрочестве, творила идиллический миф о цветаевской семье, в которой царили гармония и установка «жизни на высокий лад».

Список литературы

- 1 Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие: Материалы междунаро- д. конф., посвящ. 115-летию А.И. Цветаевой. М.: Дом-музей Мари- ны Цветаевой, 2010. 344 с.
- 2 Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 448 с.
- 3 Корниенко С.Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. М.: Языки славянской культуры, 2015. 424 с.
- 4 Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта, Наука, 2002. 424 с.
- 5 Томашевский Б.М. Литература и биография // Книга и революция. Пг., 1923. № 4. С. 5–9.
- 6 Цветаева А.И. Воспоминания: в 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1. 816 с.
- 7 Цветаева А.И. Моя Сибирь. М.: Сов. писатель, 1988. 288 с.
- 8 Цветаева А.И. Собрание сочинений. М.: Изд-во «Изограф», 1996. Т. 1. 254 с.
- 9 Цветаева М.И. Автобиографическая проза. Екатеринбург: «У-Фактория», 2005. 768 с.
- 10 Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентич- ность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
- 11 *Lejeune Philippe*. Le Pacte Autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 353 p.

References

- 1 *Anastasiya Ivanovna Tsvetayeva: zhiznennyi put' i tvorcheskoe naslediyе: Materialy mezhdunarod. konf., posviash. 115-letiyu A.I. Tsvetaevoy* [Anastasia Ivanovna Tsvetayeva: life and literary heritage: the materials of the international conference devoted to the 115th birthday of A. Tsvetayeva]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy Publ., 2010. 344 p. (In Russ.)
- 2 Ginzburg L.Ya. *O psikhologicheskoi proze* [On psychological prose]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 448 p. (In Russ.)
- 3 Kornienko S.Yu. *Samoopredelenie v kul'ture moderna: Maksimilian Voloshin – Marina Tsvetaeva* [Self-determination in the culture of modernism: Maksimilian Voloshin – Marina Tsvetayeva]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015. 424 p. (In Russ.)
- 4 Nikolina N.A. *Poetika russkoi avtobiograficheskoi prozy* [Poetics of the Russian autobiographical prose]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002. 424 p. (In Russ.)
- 5 Tomashevskii B.M. *Literatura i biografiia* [Literature and biography]. *Kniga i revoliutsiya* [Book and revolution]. Petrograd, 1923, no 4, pp. 5–9. (In Russ.)
- 6 Tsvetayeva A.I. *Vospominaniya: v 2 t.* [Memoirs: in 2 vols.]. Moscow, Boslen Publ., 2008. Vol. 1. 816 p. (In Russ.)
- 7 Tsvetayeva A.I. *Moya Sibir'* [My Siberia]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1988. 288 p. (In Russ.)
- 8 Tsvetayeva A.I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Izd-vo "Izograf" Publ., 1996. Vol. 1. 254 p. (In Russ.)
- 9 Tsvetayeva M.I. *Avtobiograficheskaya proza* [Autobiographical prose]. Ekaterinburg, "U-Faktoriia" Publ., 2005. 768 p. (In Russ.)
- 10 Shevelenko I.D. *Literaturnyi put' Tsvetaevoy: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Literary way of Tsvetayeva: ideology – poetics – author's identity in the context of her times]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 464 p. (In Russ.)
- 11 Lejeune Philippe. *Le Pacte Autobiographique*. Paris, Seuil, 1975. 353 p. (In French)